

МИР СЕРВАНТЕСА И МИР БУЛГАКОВА В ПЬЕСЕ «ДОН КИХОТ»

В статье рассматриваются рецепции романа М.Сервантеса в литературном контексте пьесы М. Булгакова «Дон Кихот». В работе исследуются особенности творческой интерпретации истории о Рыцаре Печального Образа в драматическом произведении русского писателя, анализируются приемы создания образа Дон Кихота, определяется роль вечного образа в отображении идейно-нравственных противоречий XX века.

Ключевые слова: художественный текст, вечный образ, мотив безумия, прием игры, рецепция, сюжетные коллизии.

Образ Дон Кихота уже более четырехсот лет привлекает внимание многочисленных читателей, литературоведов, психологов, философов. С течением времени оценки романа М. Сервантеса и образа Дон Кихота менялись, но он по-прежнему остается признанным во всем мире. В 2002 году по решению Нобелевского комитета было собрано авторитетного жюри, в которое вошли сто известных писателей из пятидесяти четырёх стран мира. Их попросили определить лучшее произведение мировой литературы, и «книгой всех времён и народов» был назван «Дон Кихот».

Образ Дон Кихота был весьма популярным и у русской читающей публики. О романе в разное время писали В. Белинский, И. Тургенев, Д.Мережковский, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб и многие другие. В современном литературоведении этот вечный образ остается по-прежнему актуальным и продолжает интересовать многих исследователей. Целью данной статьи является изучение функционирования сюжета М.Сервантеса в литературном контексте пьесы М. Булгакова «Дон Кихот».

За последнее время появилось ряд фундаментальных монографий, посвященных восприятию и интерпретации истории о доблестном рыцаре. Среди

них – работы Ю.Айхенвальда «Дон Кихот на русской почве» (1982), В. Багно «Дорогами «Дон Кихота»: Судьба романа Сервантеса» (1988) и «Дон Кихот» в России и русское донкихотство» (2009), Н.Эйдельмана «Простодушие и преданность: Размышления о Дон Кихоте и ещё более – о Санчо Пансе» (1985), О.Есиповой «Русский Дон Кихот и Булгаков» (1998) и др.

Так, в работе В.Багно «Дорогами «Дон Кихота»: Судьба романа Сервантеса» (1988), автор проводит параллель между биографией автора и его героя и пишет: «Мог ли Сервантес не сознавать, что жизнь Алонсо Кихано Доброго слишком напоминает его собственную биографию, биографию гуманиста, воина, не умевшего подстраиваться под житейское кредо окружающих, стремившегося «всем делать добро и никому не делать зла» и в награду получавшего насмешки меценатов, презрение собратьев по перу, щелчки по служебной линии и кусок чёрствого хлеба в старости?» [1:26].

Интересной является и статья С. Пискуновой «Истоки и смысл смеха Сервантеса», в которой автор выделяет два противоположных подхода, наметившихся при прочтении романа Сервантеса. По ее мнению, в основе первого – комизм похождения Дон Кихота и Санчо Пансы. Другой базируется на том, «что за внешним комизмом разнообразных ситуаций, в которых оказывается знаменитая пара сервантесовских героев, за авторской иронией и пародией на рыцарские романы скрывается серьёзное, если не трагическое содержание, побуждающее читателя не столько смеяться над Рыцарем Печального Образа, сколько сострадать ему» [2:144].

В работе О.Есиповой «Русский Дон Кихот и Булгаков» (1998) отмечена общая тенденция русской интерпретации образа Дон Кихота, а именно «резкое и определенное нарушение равновесия комического и трагического в пользу трагедии» [3: 627]. Исследовательница пишет также о том, что писатель очень любил роман великого испанского писателя М. Сервантеса. Автор подчеркивает, что для М. Булгакова образ Печального Рыцаря, как и само «понятие «донкихотство» давно и естественно были включены в контекст собственной

жизни, в мировоззренческий обиход» [3:623]. Особенно часто этот образ возникал в его сознании в конце 20-х и в тяжелые 30-е годы, когда литературная травля писателя приобретала опасный политический характер.

Известно, что мысль переложить для сцены роман Сервантеса «Дон Кихот» родилась в стенах московского театра имени Е. Вахтангова. Художественный руководитель театра В. Куза в письме от 24 июня 1937 года предложил М.Булгакову работу над инсценизацией романа классика испанской литературы. Но писатель не проявил ожидаемой активности, поскольку после запрещения постановок его пьес «Адам и Ева», «Блаженство», «Иван Васильевич», «Александр Пушкин», романа и пьесы о Мольере «сама идея работать для театра казалась ему чистейшим «донкихотством» [3:623]. «И больше я его не повторю. На фронте драматических театров меня больше не будет» [4:479], – писал М. Булгаков в письме В. Вересаеву 4 апреля 1937 года. Но руководство и актеры театра не оставляли своей идеи. В 1937 году писатель уступил их просьбам и все-таки взялся за работу над новой пьесой.

Но судьба ее, как и многих предыдущих работ М. Булгакова, была сложной. 27 марта 1939 года в «Советском искусстве» было объявлено, что театр приступил к работе над постановкой. Хотя вскоре репетиции прекратились, так как творческая группа актеров была занята другой работой (И. Рапопорт и Р.Симонов, режиссер и главный герой спектакля, репетировали роли Ленина и Сталина в пьесе А.Толстого «Путь к победе»). Булгаков так и не увидел на сцене свою пьесу: премьера «Дон Кихота» на сцене Вахтанговского театра состоялась 8 апреля 1941 года уже после его смерти.

В произведении М. Булгакова параллельно существуют два мира: мир Сервантеса и свой собственный, булгаковский, наполненный тревожными, присущими его эпохе.

Как и в романе, в пьесе сервантовский мир наполнение дыханием Испании конца XVI века, рыцарских подвигов, которые стремится совершить главный

герой, ибо, начитавшись рыцарских романов, полагает своим рыцарским долгом бороться с насилием, защищать бедных и искоренять всякого рода неправду.

Сервантес, преследуя цель осмеять и тем самым дискредитировать в глазах читателя рыцарские романы, о чем прямо заявлено в «Прологе» к первой части, создает своеобразную литературную пародию. Но вместе с тем можно полагать, что его роман – это совершенно новый тип повествования, в котором представлено драматическое положение человека в мире, утратившем средневековую патриархальную цельность и гармонию. Дон Кихот хотел видеть мир таким, каким его изображали рыцарские романы, но реальность другая, поэтому его «подвиги» казались нелепыми и часто смехотворными. Отсюда появление противоречий между миром реальным и ирреальным, который создал Дон Кихот в своем воображении.

Противоречие между рыцарскими идеалами и суровой действительностью в пьесе М. Булгакова еще более углубляется и приобретает философский аспект, поскольку автор отразил в ней духовную атмосферу своего времени, свои размышления по этому поводу, свою боль.

Пьеса Булгакова намного меньше, чем роман: всего четыре действия и девять картин. В центре внимания драматурга только необходимые сцены из романа, которые помогают ему раскрыть собственное понятие «донкихотства».

Сервантес видел в Дон Кихоте «мудрого безумца», мечтающего о земном счастье человечества и всегда готового подать добрый совет тому, кто испытывал в нем нужду. В концепции Булгакова «донкихотство» заключается в том, что даже в самых безнадежных обстоятельствах необходимо отстаивать свою веру и продолжать начатое дело.

Дон Кихот и у Сервантеса, и у Булгакова – неисправимый романтик, преданный рыцарским идеалам, ради которых готов подвергаться всевозможным лишениям. Расчетливые прагматичные люди видят в нем сумасшедшего старика, который пытается изменить привычный для них мир. Поэтому прекраснодушие Дон Кихота бессильно что-либо преобразовать в мире, в котором воцарились

эгоизм и стяжательство. Этим объясняется возникновение мотива сумасшествия, который присутствует в обоих произведениях. Но сущность его немного разная у каждого из писателей.

У Сервантеса Дон Кихот сошел с ума, начитавшись рыцарских романов. Автор изображает эволюцию героя, просветление его разума в процессе познания жизни и его благотворное влияние на окружающих. У Дон Кихота, живущего в средневековье, есть много интересных черт, которые являются весьма необычными для того времени: он любит простую жизнь, простых людей, пренебрежительно относится к благам цивилизации, считая ее злом. Все это сближает его с «природным человеком» эпохи Просвещения. Именно этим объясняются те мудрые истины, высокие по своему гуманизму жизненные принципы, которые излагает герой. И Дон Кихот – это скорее человек нового времени, каким он должен быть. Мотив безумия помогает показать испанскому автору сложность становления нового мира, который формировался в недрах Средневековья.

Мотив безумия в пьесе М. Булгакова становится метафорой, раскрывающей трагедию несовместимости идеала и действительности, крушение нравственных устоев общества. Булгаковский Дон Кихот – это художник, наделенный особым тонким мироощущением, богатой эрудицией, способностью к импровизации. Он поражает своими раздумиями о музыке («где музыка, там нет злого» [5:193], о человеке, его умственных способностях («никогда не рассуждай о том, чего сам не понимаешь» [5:166]). По мнению Дон Кихота, нельзя стыдиться своего происхождения: *«Гордись, Санчо тем, что ты простой крестьянин, и не считай унизительным признаваться в этом кому бы то ни было. Нет надобности тебе доказывать, что бедный, но честный человек ценнее знатного грешника и негодяя. Не отрекайся ни от своего происхождения, ни от своих родных»* [5:207]. Герой размышляет об идеальном обществе, «золотом веке», в котором *«люди, мирно сидя, вот как мы сейчас сидим с тобой на зеленой траве, щедро делились друг с другом тем, что им послала благостная, ни в чем не отказывающая*

природа.... Не было золота, которое породило ложь, обман, злобу и корыстолюбие....» [5:171]. Но, к сожалению, о таком времени можно только мечтать.

Также Дон Кихот излагает интересные взгляды на жизнь, говорит о выборе пути: *«Люди выбирают разные пути. Один, спотыкаясь, карабкается по дороге тщеславия, другой ползет по тропе унижительной лести, иные пробираются по дороге лицемерия и обмана» [5:206]. Какую же из этих дорог выбрал сам Дон Кихот? «Иду ли я по одной из этих дорог? Нет! Я иду по крутой дороге рыцарства и презираю земные блага, но не честь! ... Я заступался за слабых, обиженных сильными. Если я видел где-нибудь зло, я шел на смертельную схватку, чтобы побить чудовищ злобы и преступлений! Моя цель светла – всем сделать добро и никому не причинять зла» [5: 206],– таков его ответ.*

В репликах главного героя пьесы довольно прозрачно отображены страшные приметы действительности 30-х годов XX века, когда «все поражены страхом», который овладел душами людей. Именно в отсутствии рыцарства, иными словами, в малодушии большинства, видит М.Булгаков причину торжества зла в мире. Во многих его произведениях сумасшествие является самозащитой героев от безумия реальной жизни, а страх – одним из проявлений всеобщего безумия. Персонажи мастера не подвластны страху, поэтому именно их и можно считать нормальными. Булгаковский Дон Кихот смог постичь высшую истину бытия, которая заключается в духовной свободе личности. *«На свете много зла, Санчо, но хуже плена нету зла!» [5: 220],–* делает заключение герой.

Несмотря на то, что произведения разделяет более трехсот лет, у них есть один общий образ. Это образ толпы. Толпа смеется над Дон Кихотом Сервантеса, не воспринимая его поступков. Но и у Булгакова героя многие воспринимают как шута. В уста Сансон автор вложил нравоучительные слова, обличающие герцога и подобным ему: *«Разве мало развлечений на свете? Соколиная охота, танцы при свете факелов, пиры, поединки.... У знатных людей нет во всем этом*

недостатка, и нужно ли для развлечения рядить в шуты, увеличивая число шутов природных, человека, который этого совершенно не заслуживает?» [5:218].

Такие слова пугают власть имущих и воспринимаются как дерзость. Но с течением времени мало что изменилось. Образ толпы также метафоричен. Непонимание и неприятие героя окружающими воспринимается как противостояние мира творчества и серой обыденности, что часто становится причиной безумия.

В романе Сервантеса имеет место карнавальнй мотив. Ведь главный герой действует там как бы в двух лицах: бедный идалго и рыцарь Дон Кихот Ламанчский. В его ирреальном мире обычные люди также раздваиваются: Альдонса Лоренса становится Дульсиной Тобосской, простой крестьянин Санчо Панса – оруженосцем, обычные люди – злыми волшебниками, великанами и т.д. Переодевается в мужское платье Доротея и пускается на поиски неверного Фернандо. Бакалавр Сансон Карраско переделался в рыцаря Белой Луны, сразился с Дон Кихотом и потребовал, чтобы тот вернулся домой и целый год не выезжал оттуда, надеясь, что за это время к нему вернется разум. Весь этот маскарад героев придает роману элемент веселости, радости, определенной интриги.

Прием игры, маскарада присутствует и в пьесе «Дон Кихот» М.Булгакова. Ключница, Антония и Сансон Карраско прибегают к переодеванию, имея благородные цели. По их мнению, это единственный способ вернуть Дон Кихота домой. Достигнув своей цели, персонажи снимают маски. Лишь побежденный Дон Кихот остается несчастным, что в дальнейшем не может совершать свои рыцарские подвиги.

В финале обоих произведений Дон Кихот умирает. Но конец жизненного пути героя у Сервантеса и Булгакова разный.

В романе испанского писателя Дон Кихот после возвращения в родное село решил сделаться пастухом. Его разум прояснился, он проклинал рыцарские романы, ставшие причиной его сумасшествия, и умер спокойно и по-христиански.

Совсем другой финал у Рыцаря Печального Образа в пьесе М. Булгакова. Во время поединка с рыцарем Белой Луны Дон Кихота поразил не острый меч противника, а его холодный и жестокий взор. Эта деталь портрета Сансона играет важную роль в метаморфозе главного героя. Она как бы подготовила его перерождение, возвращение в реальный мир, ибо пелена иллюзии была сорвана. Но вместе с утратой видений, мечты, рыцарского ореола появилась ужасающая всеобъемлющая пустота: *«Повреждения, которые нанесла мне его сталь, незначительны. Также и душу мою своими ударами он не изуродовал. Я боюсь, не вылечил ли он мою душу, а вылечив, вынул ее, но другой не вложил...»*[5: 220]. Герой потерял смысл жизни, поскольку Сансон лишил его *«самого драгоценного дара, которым награжден человек, он лишил меня свободы!»*[5: 220]. В этой реплике героя прослеживаются автобиографические моменты жизни самого драматурга. У него тоже забрали главное – свободу творить, и в его жизни тоже образовалась пустота от запрета печатания, постановок, невозможности выезда за границу. Как и герой пьесы, писатель умирал морально: тоталитарный режим убивал его душу. Поэтому финал драматического произведения имеет острое трагическое звучание. Смерть Дон Кихота символизирует невозможность примирения с жестокой жизнью и не оставляет надежды на победу в ней духовных начал.

Таким образом, используя классический сюжет, М. Булгаков трансформирует его, вносит свое видение современного ему мира, тем самым способствуя перерастанию обычного бытового действия в бытийное пространство. Изображение сюжетных коллизий жизни главного героя перерастают в непримиримый конфликт с окружающим миром. Булгаков углубляет сюжет Сервантеса, насыщая мир своего произведения реалиями современной ему действительности. Оттого его пьеса приобретает поистине трагическое звучание. Но, несмотря на все это, писатель на страницах пьесы провозглашает рыцарские идеалы чести, справедливости, гуманного отношения

между людьми, справедливости и свободы, которые всегда были лейтмотивом всех его произведений и которым он всегда оставался верен.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Багно В.Е. Дорогами Дон Кихота / Багно В.Е. – М.: Книга, 1988. – 448 с.
2. Пискунова С.И. Истоки и смысл смеха Сервантеса/ С.И.Пискунова // Вопросы литературы. – 1995. – № 2. – С. 143 – 169.
3. Есипова О. Дон Кихот: комментарий // Булгаков М.А. Собрание сочинений. В 5 т. –Т. 4. – М.: Художественная литература, 1990. – С.622 – 631.
4. М.Булгаков-драматург и художественная культура его времени: сборник статей. – М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1988. – 493 с.
5. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т.– Т.4: Пьесы / М.А. Булгаков – М.: Художественная литература, 1990.– 703 с.

Чередник Л., к. філол. н., доцент,
Полтавський нац. тех. ун-т імені Ю.Кондратюка, Полтава

СВІТ СЕРВАНТЕСА І СВІТ БУЛГАКОВА У П'ЄСІ «ДОН КІХОТ»

У статті розглядаються реценції роману М. Сервантеса у літературному контексті п'єси М. Булгакова «Дон Кіхот». У роботі досліджуються особливості творчої інтерпретації історії про Лицаря Сумного Образу в драматичному творі російського письменника, аналізуються прийоми створення образу Дон Кіхота, визначається роль вічного образу в відображенні ідейно-моральних суперечностей ХХ століття.

Ключові слова: художній текст, вічний образ, мотив божевілля, прийом гри, реценція, сюжетні колізії.

Cherednyk L, PhD, docent

Poltava Nat. Tehn. Univ. named Yu.Kondratyuk, Poltava

THE CERVANTES' WORLD AND BULGAKOV'S WORLD IN THE PLAY «DON QUIXOTE»

There have been shown the receptions of M. Cervantes' novel in the literary context of M. Bulgakov's play «Don Quixote». There have been investigated the peculiarities of the artistic interpretation of the story about the Knight of Sad Image in a dramatic composition of Russian writer; there have been analyzed the techniques of Don Quixote image creation; there has been determined the role of infinite image in the reflexion of idea and moral controversies of the 20-th century.

Keywords: the artistic text, the infinite image, the motif of craziness, the game technique, the reception, the plot conflicts.